

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ELECTRONIC DEMOCRACY: EVOLUTION OF PEOPLE'S POWER IN THE DIGITAL AGE

Альбина Славовна ЛОЛАЕВА

Горский государственный аграрный университет, Влади-
кавказ, Россия,
mirag.8184@yandex.ru,
ORCID:0000-0002-9021-7531

Информация об авторе

А.С. Лолаева — доцент кафедры конституционного
и административного права, кандидат юридических
наук, доцент

Аннотация. Рассмотрены современные вызовы и воз-
можности, связанные с внедрением электронно-циф-
ровых технологий в социально-политическую сферу,
особенно в контексте формирования электронной
демократии. Проанализированы изменения форма-
та взаимодействия между государством, обществом
и гражданами, подчеркивается, что технологические
инновации способствуют не только повышению про-
зрачности и доступности государственного управления,
но и изменению механизмов народовластия. Особое
внимание уделяется рискам цифровизации, таким как
угроза безопасности данных и потенциальные угрозы
конфиденциальности граждан. Акцентируется внимание
на необходимости обеспечения эффективного и безо-
пасного функционирования электронной демократии
как важного элемента постиндустриального общества.

Ключевые слова: электронная демократия, традицион-
ная демократия, народовластие, цифровизация, элек-
тронные технологии, информация, информационное
общество, сетевое государство, права граждан

Для цитирования: Лолаева А.С. Электронная демокра-
тия: эволюция народовластия в цифровую эпоху // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2025. Т. 52, № 1. С. 19–29; DOI: 10.17323/tis.2025.24875

Albina S. LOLAEVA

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia,
mirag.8184@yandex.ru,
ORCID:0000-0002-9021-7531

Information about the author

A.S. Lolaeva — Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Constitutional and
Administrative Law, Associate Professor

Abstract. The article considers the current challenges and
opportunities associated with the introduction of electronic
and digital technologies in the socio-political sphere,
especially in the context of the formation of e-democracy.
The article analyzes the changes in the format of interaction
between the state, society and citizens, emphasizing that
technological innovations contribute not only to increasing
the transparency and accessibility of public administration,
but also to changing the mechanisms of people's power.
Particular attention is paid to the risks of digitalization,
such as threats to data security and potential threats to
citizens' privacy. The article emphasizes the need to ensure
the effective and secure functioning of e-democracy as an
important element of post-industrial society.

Keywords: e-democracy, traditional democracy, people's
power, digitalization, electronic technologies, information,
information society, network state, citizens' rights

For citation: Lolaeva A.S. Electronic Democracy:

Evolution of People's Power in the Digital Age // *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2025. Vol. 52 (1). P. 19–29; DOI: 10.17323/tis.2025.24875

Электронно-цифровые технологии в последние десятилетия коренным образом изменили представление о современном мироустройстве. Они затрагивают все сферы жизни — от экономики и образования до медицины и культуры — и создают новые возможности, а также ставят серьезные вызовы. Формируется информационное общество, где знания и информация становятся основным ресурсом. Параллельно возникает концепция сетевого государства, предполагающая более тесное взаимодействие между гражданами и государством. В отличие от традиционной иерархической структуры, новые модели управления более гибкие и децентрализованные. Общество переходит от технологической формации (индустриальной) к информационной (постиндустриальной), где главенствующую роль играют информация, данные и цифровые коммуникации, меняющие повседневную жизнь общества и способы взаимодействия.

Одним из самых значительных проявлений воздействия цифровых технологий на современную жизнь стало изменение формата взаимодействия между государством, обществом и гражданами. Появление электронных сервисов, цифровых платформ и мобильных приложений позволило значительно упростить доступ к государственным услугам, сократить время на их получение и повысить прозрачность административных процессов.

Усиленная информатизация общественных отношений в их разнообразном выражении нашла отражение в новой редакции Конституции РФ, которая к ведению Российской Федерации впервые отнесла «информационные технологии» (п. «и» ст. 71).

Традиционные демократические институты сопровождаются активным внедрением в публично-правовое пространство электронной демократии, представляющей собой «прямое волеизъявление граждан с использованием современных информационно-коммуникационных технологий для коллективных мыслительных процессов» [1, с. 10].

Россия не избежала последствий тотальной цифровизации в сферах государственного управления, бизнеса, безопасности. По словам Ю.И. Скуратова, общемировой процесс вторжения в общественную

жизнь информационно-коммуникативных систем в полной мере распространяется на Российскую Федерацию. Все это создает теоретические и практические предпосылки для широкого распространения новых информационных технологий и ресурсов в сфере управленческих процессов и принятия политических решений [2, с. 172-173].

Растущая цифровизация информационного пространства изменяет политико-правовую среду и механизмы народовластия. Важным инструментом в этом процессе становится электронная демократия, использующая цифровые платформы для диалога между гражданами и государством. Современные технологии делают их взаимодействие более оперативным и доступным, что способствует улучшению коммуникации. Например, онлайн-петиции и электронные выборы позволяют гражданам активно участвовать в политической жизни страны, получать информацию и выражать свое мнение.

Цифровизация создает иную реальность, в которой демократические ценности получают новое дыхание. Современные политические и правовые явления претерпевают значительные изменения, переходя к новой научно-технологической модели, основанной на цифровых логистических системах и сетевом принципе. С.А. Авакьян отмечает, что «электронно-цифровые технологии меняют окружающий мир, ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданам и их объединениями» [3, с. 23].

Создание информационного общества стало возможным благодаря технологической революции, произошедшей на рубеже последних столетий, возникновению технологий, созданных на основе передовых знаний, нано- и биотехнологий, оптических технологий, искусственного интеллекта.

Глобальная информатизация кардинально меняет структуру публичной власти, переходя к сетевому режиму, где она сосредоточена на управлении коммуникационными процессами. В этом новом контексте программисты и IT-специалисты приобретают статус ключевых игроков, поскольку именно они формируют и контролируют информационные сети. Информационная власть становится определяемой не столько политическими фигурами, сколько теми, кто

умеет создавать и программировать эти сети. Таким образом, управление общественными процессами все больше зависит от технологической инфраструктуры и возможностей обработки данных. Следовательно, способность определять правила переходит к тем, кто может влиять на информационные потоки, что вызывает необходимость пересмотра традиционных представлений о власти и ее источниках. В этом смысле программисты определяют контент и формат цифровых коммуникаций.

Сказанное не противоречит концептуальным характеристикам публичной власти как социально-политического явления, основанного на существовании в обществе доминирующих элит, властвующих и подвластных. Сущность власти остается неизменной, меняются лишь механизмы ее осуществления, привязанные к историческому и культурному контекстам. В сетевом обществе в основе власти лежит собственность на средства коммуникации, в отличие от власти в обществе классовом или индустриальном, в основе которой — собственность на средства производства.

Содержание сетевого менеджмента коммуникационных сетей, осуществляемого программистами, в итоге определяется владельцами глобальных сетей, прежде всего государственными структурами, которым и принадлежит первичная и решающая власть в сетевом сообществе. За модераторами сетевых коммуникаций всегда стоят властные элиты. Это группы, приобщенные к власти, диктующие свою волю и реализующие в сетях свои корпоративные интересы. Владельцы глобальных мультимедийных корпоративных сетей программируют решающую сеть — метасеть коммуникационных сетей, формирующую общественное мнение, стереотипы поведенческой деятельности. Владельцы глобальных мультимедийных сетей, входящие во власть, становятся программистами политических решений, держателями публичной власти, определяющими политическую стратегию развития.

Сетевые коммуникации трансформируют устоявшуюся природу принуждения как основополагающего элемента властвования. В информационном обществе суть власти заключается не в принуждении, а в умении формировать общественное мнение с помощью инструментов идеологического воздействия. М. Кастельс отмечает, что «в сетевом обществе власть осуществляется преимущественно путем конструирования смыслов в человеческом сознании в ходе коммуникационных процессов, происходящих в глобальных и локальных мультимедийных сетях массовой коммуникации, включая массовую самокоммуникацию» [4, с. 496].

Соблюдение правил пользования сетями осуществляется через исключение нарушителей из коммуни-

кационной сети. Такое исключение служит не только наказанием, но и формой юридической ответственности, имеющей восстановительный характер. Таким образом обозначается важность соблюдения норм, чтобы обеспечить высокое качество общения и взаимодействия пользователей. Воссоединение с сетью после исключения позволяет нарушителям осознать свои ошибки и изменить поведение.

Электронная демократия «вырастает из информационного общества, являясь одной из его базовых основ, продуктом цифровизации (диджитализации, от англ. *digital* — цифровой) публично-правового пространства. В этом смысле электронную демократию позволительно именовать постиндустриальной демократией. Довольно сложно вообразить, как может развиваться современная демократия без учета технологических новшеств и открытого информационного пространства» [5, с. 39].

Электронная демократия имеет технологические пределы, которые отделяют ее от других форм электронного взаимодействия государства, общества и человека. Важно понимать, что электронная демократия не включает в себя аспекты электронного правительства, такие, например, как предоставление электронных услуг. Данные услуги, хоть и способствуют удобству граждан, не являются частью демократических процессов. По этой причине важно различать такие понятия и не путать их, чтобы правильно оценить роль технологий в демократии.

Электронная демократия представляет собой не просто новейшую форму взаимодействия между государством и гражданами, она является важным аспектом развития народовластия. Основной ее целью является активное вовлечение граждан в процессы принятия решений. Цифровые технологии и интернет-платформы служат эффективными инструментами для реализации этого принципа. В первую очередь электронная демократия — это «электронное представление демократических процессов» [6, с. 29].

Как отмечает М.Н. Грачев, «электронная демократия — это основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [7, с. 93].

По мнению Я.В. Антонова, «электронная демократия в самом общем виде определяется как осуществление власти народа в электронной форме либо же еще проще — как традиционная демократия, воплощенная в электронной форме» [8, с. 119].

Н.В. Лаврик пишет: «Электронная демократия представляет собой демократию, основанную на непосредственном изъявлении воли каждого гражданина с помощью широкого применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» [9, с. 80].

Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. содержит своего рода официальное определение электронной демократии, под которой понимается такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами¹. Данное определение в настоящее время представляется чрезмерно узким, так как не учитывает организационно-правовые механизмы участия граждан в публично-властных процессах.

Электронная демократия имеет значительные преимущества по сравнению с традиционной демократией, что делает ее более востребованной в условиях информационного общества. Используя современные технологии, электронная демократия не только активизирует гражданское участие, но и повышает ответственность властей перед обществом. Механизмы электронной демократии содействуют большей активности и вовлеченности граждан, формируют прозрачность и ответственность в принятии решений и в итоге способствуют развитию демократии в нашем обществе.

Президент РФ В.В. Путин в этой связи отмечает: «Современные технологии, построенные в “цифре”, позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на инициативы, на обращения, реагировать соответствующим образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни» [10, с. 54].

Электронная демократия создает условия для большей доступности и прозрачности процесса принятия решений, что ведет к развитию более открытого и ответственного общества. Она осуществляется в рамках виртуального пространства, где «не накладываются какие-либо существенные цензурные ограничения на свободу высказывания своего мнения, а наоборот, в нем формируются условия для оглашения различных подходов и точек зрения, что создает условия для появления единой точки соприкоснове-

ния власти и гражданина в целях улучшения жизни общества» [11, с. 1278].

Электронная демократия в России расширяет механизмы участия граждан в публично-властной деятельности и развитии государства. Она предоставляет гражданам новые инструменты для выражения своего мнения и активного участия в решении общественных вопросов. Поэтому внедрение электронной демократии должно стать приоритетной задачей для Российского государства в стремлении к развитию открытого и прозрачного общества.

Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам — участникам Совета Европы по электронной демократии 2009 г. указывают, что «ИКТ способствуют достижению целей эффективного руководства, таких как прозрачность, подотчетность, ответственность, вовлеченность, делиберативность, инклюзивность, доступность, субсидиарность, доверие к демократии, демократическим институтам и демократическим процессам, а также социальное сплочение»².

Дж.П. Барлоу акцентирует внимание на значимости свободы информации и индивидуальных прав в эпоху бурного развития технологий и интернета и отмечает, что «виртуальное пространство интернета является основой качественно иного общества, в котором восторжествует действительная свобода и прямая демократия» [12].

Интернет открывает новые горизонты, благодаря чему «воплощается основная идея либертарианства — организация государства, осуществляемая через различные формы децентрализации публичной власти» [13, с. 39].

Электронная демократия, безусловно, обладает множеством преимуществ, однако ей сопутствуют и серьезные недостатки. Информатизация создает риски для личной и государственной безопасности, включая угрозу несанкционированного доступа к персональным данным граждан. Это может привести к нарушению приватности и злоупотреблениям. Кроме того, возможны компьютерные атаки на государственные ресурсы, что ставит под угрозу безопасность всей информационной инфраструктуры. Практика свидетельствует о возрастании масштабов компьютерной преступности, преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, обработки персональных данных с использованием информационных технологий.

¹ URL: <https://www.vesti.ru/article/1995879> (дата обращения: 01.12.2024).

² URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31250951 (дата обращения: 01.12.2024).

Этими реальными угрозами вызвана конституционная поправка от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, согласно которой к ведению Российской Федерации впервые отнесено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). Речь идет об информационной безопасности как «правовом режиме защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [14]. При этом «возможности электронных технологий могут быть использованы не только в интересах партисипативных отношений в управлении, но и, наоборот, для упрочения могущества власти, ее контроля над населением» [15, с. 98].

Несмотря на потенциал новых информационно-коммуникационных технологий, их использование в интересах развития демократии и укрепления прав граждан до сих пор остается вызовом. Обеспечение доступа к интернету, защита персональных данных и борьба с дезинформацией — вот часть из важных задач, которые стоят перед обществом и государством. Важно развивать информационные технологии таким образом, чтобы они служили интересам демократии, свободы и справедливости, а не использовались для ограничения и подавления прав граждан [16, с. 7].

Генеральная Ассамблея ООН в резолюции «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» подтвердила, что «те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны защищаться и онлайн, особенно право на неприкосновенность личной жизни»³. Осуществление политики продвижения электронной демократии в правовую сферу должно оцениваться с учетом политического режима, зрелости гражданского общества и уровня политической и правовой грамотности населения. Российская Федерация остается страной развивающейся демократии, пределы которой весьма относительны. Немедленная и глобальная цифровизация общественно-политического пространства способна деформировать право на равный доступ к интернету, относимое к поколению цифровых конституционных прав, ввиду разной степени электронной оснащенности населения России.

³ URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (дата обращения: 01.12.2024).

В итоге электронная (цифровая) демократия также подвержена рискам технологических сбоев, которые могут остановить работу цифровых сетей и помешать процессам волеизъявления.

Электронная демократия представляет собой прогрессивный подход к управлению, который отличает ее от традиционной демократии. Основной ее задачей является улучшение представительства общественных интересов на всех этапах государственной деятельности. В отличие от традиционных демократических процессов, которые могут быть затруднены бюрократией и недостатком информации, электронная демократия позволяет гражданам активно участвовать в политической жизни через цифровые платформы и технологии.

Одним из ключевых преимуществ электронного участия является возможность взаимодействия с государственными органами в режиме реального времени. Это не только способствует повышению прозрачности власти, но и позволяет гражданам легче контролировать действия своих избранников. Благодаря этому возрастают уровень подотчетности и доверия к институтам власти, что особенно актуально в условиях, когда коррупция остается одной из основных проблем.

Электронная демократия также способствует снижению бюрократических барьеров. Упрощение административных процедур делает процесс более доступным и понятным для широких масс. Внедрение новых институтов, таких как электронный парламент и электронное правительство, меняет традиционные иерархические структуры управления, превращая их в более равноправные и инклюзивные.

В научных кругах высказывается мнение, что электронная демократия не обладает самостоятельным организационно-правовым статусом и представляет собой лишь инструментальное проявление традиционной демократии. Так, М.Г. Тирских утверждает, что «электронная демократия не должна и не может восприниматься как самостоятельная, новая форма демократии. Она не занимает самостоятельную позицию в дихтомии “прямой демократии” и “представительной демократии”, сконструированной по принципу непосредственного или опосредованного участия народа в управлении государством. Она лишь может рассматриваться как форма реализации и прямой и представительной демократии. В таком случае электронная демократия должна рассматриваться в качестве института современных технологий демократического процесса властвования» [17, с. 255]. Утверждается, что «термин «электронная демократия» не может претендовать на место в понятийном ряду науки конституционного права» [18, с. 27].

Подобная точка зрения «с позиций современных демократических реалий не выглядит убедительной. С позиций современного состояния народовластия, тенденций и потребностей демократического преобразования России электронную демократию следует рассматривать не в качестве технологического приложения к традиционной демократии, имеющего сугубо прикладную, субсидиарную ценность, но как органическую, инновационную модель демократии, отвечающую запросам информационного общества» [5, с. 42]. Невозможно согласиться с тем, что электронная демократия — «это оболочка, применяемая при реализации форм прямой демократии» [19, с. 206].

Продолжительность существования электронной демократии, датируемой концом предыдущего столетия, а также масштабы ее применения в публичной практике властвования стирают предметные различия между демократией традиционной и электронной, превращая само понятие «традиционная демократия» в условное, не имеющее нормативного подтверждения.

С позиций институциональной самостоятельности электронной демократии следует оценивать перспективы ее развития в соотношении с демократией традиционного типа. Исходя из диалектики демократического процесса в России, усиленной цифровизации политико-правового пространства, можно предположить, что информационные технологии станут основным инструментом участия граждан в политической жизни страны. Голосование, обсуждение законопроектов и принятие решений будут осуществляться через специальные платформы и приложения. Это позволит увеличить прозрачность и открытость политических процессов, а также обеспечит широкую доступность голосования для всех граждан, в том числе для тех, кто не имеет возможности физически присутствовать на выборах. Кроме того, электронная демократия повысит ответственность политических деятелей перед народом. Вместе с тем будут усилены защита персональных данных и кибербезопасность, чтобы предотвратить возможные злоупотребления и манипуляции.

Однако механизмы электронной демократии не заменяют другие существующие процедуры, которые предусматривают участие граждан в управлении делами государства. Так, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, сказано о «развитии технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов и местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия

граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий» [20].

В экстремальных ситуациях, например в условиях пандемии, минимизирующей личностные контакты, электронная демократия в виде электронного голосования становится практически единственным реальным инструментальным каналом народного волеизъявления. В условиях пандемии коронавирусной инфекции было замечено, что страна в значительной степени перешла к дистанционным контактам, перенося их в онлайн-среду интернета [21, с. 43].

Отмечу, что цифровизация избирательного процесса в России началась еще в 1995 г. с внедрения ГАС «Выборы», что стало важным шагом к более эффективному учету голосов и прозрачности выборного процесса. Постепенно внедрялись новые технологии: в 1996 г. начали использовать комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ); в 2017 г. — технологии QR-кодирования протоколов; в 2019-м — цифровые избирательные участки. Современный этап характеризуется активным внедрением дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которое стало неотъемлемой частью политического процесса. Исследователи выделяют следующую шестиступенную эволюцию электронного голосования в России: экспериментальное электронное голосование на избирательных участках в субъектах Российской Федерации, не имеющее юридически обязательного значения; электронное голосование на избирательных участках в субъектах Российской Федерации с юридически обязательным значением; электронное голосование на избирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением; экспериментальное ДЭГ в субъектах Российской Федерации, не имеющее юридически обязательного значения; ДЭГ в субъектах Российской Федерации с юридически обязательным значением; ДЭГ на федеральных выборах с юридически обязательным значением.

Согласно постановлению ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», ДЭГ представляет собой голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования (далее — ПТК ДЭГ), доступ к которому избирателю, участнику референдума предоставляется на специальном портале в сети Интернет (vybory.gov.ru), в том числе с использованием специального мобильного приложения.

В настоящее время правовая основа ДЭГ включает в себя следующие нормативно-правовые акты: п. 17 ст. 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; ст. 69 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; ч. 19 ст. 81 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем»; постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/715-8 «О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования». Данные нормативные правовые акты регулируют порядок подготовки и проведения ДЭГ с использованием федеральных государственных информационных систем на выборах в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы публичной власти федеральной территории, органы местного самоуправления, на референдуме субъекта Российской Федерации, на местном референдуме.

Пандемия способствовала также модернизации парламентской деятельности в области применения информационных технологий по всему миру. Согласно Шестому международному докладу об электронном парламенте 2020 г., основанному на информации, полученной от 116 палат парламентов из 91 страны и фокус-группы, состоявшей из 49 членов парламентов, 69% представительных органов отметили, что их аппарат может работать удаленно, а 55% — что депутаты могут работать в дистанционном режиме. К концу 2020 г. 65% парламентов проводили заседания своих комитетов и 33% — пленарные заседания в удаленном режиме⁴. Таким образом, «представительные учреждения стали оперативно внедрять в свою деятельность те режимы работы, которые они ранее применять не планировали или планировали применять в отдаленной перспективе» [22, с. 27].

Продвижение электронной демократии в механизмах выборов и референдума на сегодняшний день сдерживается наличием электората, предпочитающего традиционные способы волеизъявления, не имеющего доступа к интернету или не владеющего компьютерными технологиями, численность которо-

го неуклонно снижается. Но можно предположить, что со временем такие институты непосредственной демократии, как консультативный референдум и общественное обсуждение нормативно-правовых проектов со временем целиком перейдут на цифровой формат.

Зарубежный опыт, особенно стран Латинской Америки, представляет собой богатый и разнообразный источник примеров, которые могут служить ценными уроками для России. Латинская Америка, обладая уникальной историей, культурой и экономическими условиями, демонстрирует различные подходы к решению социальных, экономических и политических проблем. Использование информационных технологий рассматривается здесь как одно из основных направлений демократизации. В частности, «применяются такие инструменты, как формирование политики и законодательства на краудсорсинговой основе, совместное администрирование, создание специальных платформ для выработки политики в определенных сферах, цифровые кампании (в том числе хакатоны⁵), виртуальный контроль» [23, с. 144].

При этом уровень распространения интернета в этом регионе относительно низкий. По данным «Латинобарометра», в 2015 г. только 42% жителей латиноамериканских стран пользовались социальными сетями, с 2010 по 2015 г. число пользователей Facebook⁶ увеличилось с 19 до 42%, YouTube — с 13 до 26%. Статистика по отдельным государствам варьируется довольно существенно: Аргентина, Эквадор — 59%, Чили — 56%, Коста-Рика — 54%, Уругвай, Колумбия, Бразилия — 51%, Венесуэла — 50%, Панама и Перу — 46%, Парагвай — 42%, Доминиканская Республика — 38%, Мексика — 34%, Боливия — 33%, Эль-Сальвадор и Гватемала — 30%, Гондурас — 28%, Никарагуа — 25% [24]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в Латинской Америке велико число тех, кто никогда не пользовался интернетом: латиноамериканские страны — 46%, Гондурас — 78%, Никарагуа — 70%, Гватемала и Сальвадор — 65%, Доминиканская Республика — 57%, Боливия — 56%, Парагвай — 53%, Колумбия — 47%, Перу — 45%, Панама — 44%, Венесуэла — 42%, Чили — 42%, Уругвай, Коста-Рика и Аргентина — 38%, Бразилия — 37%, Эквадор — 34%.

⁵ Партиципативные мероприятия, в рамках которых граждане сотрудничают в целях выявления проблем, сбора информации, оценки рисков и поиска решений в течение установленного времени.

⁶ Социальная сеть Facebook принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской и запрещена судом.

⁴ World e-Parliament Report 2020. — URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2021-07/world-e-parliament-report-2020> (дата обращения 11.12.2024).

При этом связь между распространением интернета и демократическими инновациями становится все более очевидной. Доступ к сети предоставляет гражданам платформу для получения и распространения информации, что критически важно для функционирования демократических систем. Это способствует не только повышению осведомленности, но и активному участию граждан в политической жизни.

Как результат усиливается общественный контроль за действиями властей. Таким образом, интернет становится не просто средством общения, но и мощным инструментом для реализации демократических принципов, формируя более открытое общество. Как отмечается в [25, с. 23], «сосредоточение внимания на взаимосвязи между введением новых информационных технологий и развитием структур гражданского общества привело к пониманию роли интернета в формировании новых институтов демократии».

В то же время говорить о полном отмирании традиционной демократии, в частности, в России, не приходится. Электронная демократия имеет свои технологические пределы, ограничивающие ее распространение. Интерактивные технологии используются преимущественно в сферах непосредственного народовластия, что касается представительной системы, здесь цифровизация ограничивается преимущественно электронным способом волеизъявления и его удостоверения при решении вопросов процессуального порядка, который является не столько электронным, сколько автоматизированным, требующим непосредственного личного участия. Электронная демократия, как замечает Я.В. Антонов, не вправе заменять традиционные демократические институты, она может способствовать их модернизации, актуализации, может и должна предлагать новые формы осуществления народом своей власти [26, с. 102].

Следует обозначить, что за последние 15 лет деятельность политической оппозиции в нашей стране также претерпела значительные изменения благодаря широкому использованию цифровых технологий. Эти технологии стали основным инструментом взаимодействия с населением, позволяя оппозиционным движениям намного быстрее и эффективнее доносить свои идеи и мнения до широкой аудитории.

Одной из ключевых стратегий стало создание «вирусного» контента, который активно распространяется в социальных сетях. Этот контент не всегда отличается достоверностью; зачастую он включает в себя элементы дезинформации и манипуляции. Тем не менее оппозиция успешно использует такие материалы для привлечения внимания и усиления воздействия на общественное мнение. Показатели просмотров, лай-

ков и репостов становятся индикаторами успешности деятельности, подтверждая репутацию оппозиционеров как активных участников политического процесса.

Также нельзя игнорировать новые формы протестной активности, которые приобрели популярность в цифровом пространстве. Социальные сети стали платформой для организации различных флешмобов, которые поддерживают актуальные политические и социальные повестки. Такие акции позволяют быстро мобилизовать людей и демонстрировать общественный протест в отношении действующей власти или ее решений. Через них оппозиция показывает свою активность и готовность к действиям, даже если они происходят в виртуальной среде.

Несмотря на сказанное, электронная демократия не является антиподом демократии традиционной, совпадает с ней в своих целевых и аксиологических показателях, но отличается техническим инструментарием. Электронная и традиционная демократия на равных условиях соответствуют общим требованиям демократического процесса. Они не конкурируют друг с другом. Этот факт иллюстрируется регламентом «Российской общественной инициативы», который полностью основан на использовании электронных технологий.

Согласно Указу Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”», электронная общественная инициатива отклоняется (не подлежит размещению на соответствующем портале), если она противоречит ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», содержащей вопросы, не подлежащие вынесению на общероссийский референдум, а именно: «об изменении статуса субъекта (субъектов) Российской Федерации, закрепленного Конституцией РФ; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также о проведении досрочных выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ либо о перенесении сроков проведения таких выборов; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации; о персональном составе федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; об избрании, о досрочном прекращении, приостановлении или продлении срока полномочий органов, образованных в соответствии

с международным договором Российской Федерации, либо должностных лиц, избираемых или назначаемых на должность в соответствии с международным договором Российской Федерации, а также о создании таких органов либо назначении на должность таких лиц, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации; о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения».

Данный запрет связывает электронную демократию материальными требованиями традиционной (референдумной) демократии, хотя эти формы демократии ведут к различным правовым последствиям.

Развитие электронной демократии в России не является прямолинейным. В науке, например, обращается внимание на «падение интереса к институту российской общественной инициативы, снижение в последнее время количества заявляемых электронным образом общественных инициатив» [27, с. 57]. Но причина видится не в самой идее электронной демократии, а в ее инструментальном выражении, не всегда адекватном ее концептуальным началам. Так, согласно Правилам рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», утвержденным Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”», общественными инициативами называют предложения граждан Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, направленные с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», что искусственно сужает предмет российской общественной инициативы как своего рода электронной петиции, исключающий вопросы политической направленности, что заметно сказывается на востребованности этого института непосредственной демократии.

Сказанное не умаляет преимуществ электронной демократии, а только подчеркивает ее важность и актуальность в современном обществе. Она является инструментом, который обеспечивает активное участие граждан, прозрачность процессов и репрезентативность принимаемых решений. Электронная демократия — это путь к развитию и совершенствованию демократического общества в России. При этом следует провести более точную настройку правовых механизмов, чтобы обеспечить полноту и гибкость выражения народной воли и сочетание с традиционной демократией. Электронная демократия должна быть

эффективным и справедливым инструментом, который учитывает интересы всех слоев населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 2–8.
2. Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма России и современные проблемы конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2020. 416 с.
3. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–32.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: пер. с англ. М.: Высшая школа экономики, 2016. 564 с.
5. Лолаева А.С. Электронная демократия в России: юридическая форма и доктринальная интерпретация // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 37–47.
6. Амелин Р.В., Чаннов Р.В. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 27–31.
7. Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М.: АЛКИГАММА, 2004. 128 с.
8. Антонов Я.В. Конституционно-правовые основы электронной демократии в России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 1 (23). С. 117–125.
9. Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник Байкальского государственного университета. 2014. № 12. С. 74–82.
10. Из выступления В.В. Путина на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления (Московская область, г. Красногорск, 30 января 2020 г.) // Местное право. 2020. № 4. С. 54.
11. Пашинская В.В. Формирование электронной демократии в Российской Федерации [Текст] // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 1278.
12. Barlou Dzh.P. Deklaratsiya nezavisimosti Kiberprostranstv (The Declaration of Cyberspace Independence). — URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm> (дата обращения: 02.12.2024).
13. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Цифровые технологии и деконцентрация государственной

- власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 36–40.
14. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). ст. 2159.
 15. Никулина Ю.В. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе Digital democracy and e-participation in the information society // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. № 15. С. 97–104.
 16. Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017. P. 3–14.
 17. Тирских М.Г. Пределы электронной демократии: правовые аспекты // Вопросы становления электронной демократии в России: сб. статей. Барнаул, 2016. С. 255–258.
 18. Трущалова Т.О. Российская модель дистанционного электронного голосования в контексте зарубежной избирательной практики // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 25–33.
 19. Масловская Т.С. Электронные формы участия граждан в осуществлении власти: опыт зарубежных стран // Вопросы становления электронной демократии в России: сб. статей. Барнаул, 2019. С. 49–54.
 20. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 12.12.2024).
 21. Мазуровский К.С. Реализация избирательных прав: современные тенденции // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 42–47.
 22. Васильева Т.А. Виртуализация парламентской деятельности в условиях пандемии COVID-19 // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 4–9 октября 2021 г. Вып. 7. Ч. 2. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Уральский государственный юридический университет”, 2022. С. 25–32.
 23. Васильева Т.А. Информационные технологии как инструмент демократизации парламентской деятельности: латиноамериканская практика // Государство и право. 2023. № 8. С. 142–153.
 24. Latinobarómetro. Opinión Pública Latinoamericana. Informe 1995–2015. Santiago de Chile. P. 105, 106 // Latinobarómetro-metro. Informes Anuales. — URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 11.12.2024).
 25. Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 21–26.
 26. Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101–113.
 27. Безруков А.В., Савоськин А.В. Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 56–60.

REFERENCES

1. Dziidzoev R.M. Institut federal'nykh territorii v Rossiyskoy Federatsii (na primere federal'noy territorii “Sirius”) // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. No 2. P. 2–8.
2. Skuratov Yu.I. Evraziyskaya paradigma Rossii i sovremennye problemy konstitutsionno-pravovogo razvitiya. M., 2020. 416 p.
3. Avak'yan S.A. Informatsionnoe prostranstvo znaniy, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe parvo // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2019. No 7. P. 23–32.
4. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. M., 2016. 564 p.
5. Lolaeva A.S. Elektronnyaya demokratiya v Rossii: yuridicheskaya forma i doktrinálnaya interpretatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2023. T. 27. No 4. P. 37–47.
6. Amelin R.V., Channov R.V. Pryamaya elektronnyaya demokratiya v Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnosti i perspektivy // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2017. No 1. P. 27–31.
7. Grachev M.N., Madatov A.S. Demokratia: metodologiya issledovaniya, analiz perspektiv. M., 2004. 128 p.
8. Antonov Ya.V. Konstitutsionno-pravovyye osnovy elektronnoy demokratiy v Rossii // Nauchniye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhGiS. 2016. T. 7. No 1 (23). P. 117–125.
9. Lavrik N.V. Elektronnyaya demokratiya: teoreticheskie osnovy issledovaniya // Vestnik Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No 12. P. 74–82.
10. Iz vystupleniya V.V. Putina na zasedanii Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya (Moskva, g. Krasnogorsk, 30 yanvarya 2020 g.) // Mestnoe pravo. 2020. No 4. P. 54.

11. Pashinskaya V.V. Formirovaniye elektronnoy demokratiy v Rossiyskoy Federatsii // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. No 11. P. 1278.
12. Barlou Dzh.P. Deklaratsiya nezavisimosti Kiberprostranstv (The Declaration of Cyberspace Independence). — URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm> (date of address: 02.12.2024).
13. Romanovskaya O.V., Romanovskiy G.B. Tsifrovye tekhnologii i dekontsentratsiya gosudarstvennoy vlasti // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2019. No 8. P. 36–40.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 No 313 (red. ot 25.12.2024) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo"" // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2014. No 18 (ch. II). St. 2159.
15. Nikulina Yu.V. Tsifrovaya demokratiya i elektronnoye uchastie v informatsionnom obshchestve [Digital democracy and e-participation in the information society] // Nauchniye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. 2016. No 15. P. 97–104.
16. Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017. P. 3–14.
17. Tirskikh M.G. Predely elektronnoy demokratiy: pravovye aspekty // Voprosy stanovleniya elektronnoy demokratiy v Rossii: sb. st. Barnaul, 2016. P. 255–258.
18. Trushalova T.O. Rossiyskaya model' distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v kontekste zarubezhnoy izbiratel'noy praktiki // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 5. P. 25–33.
19. Maslovskaya T.S. Elektronnye formy uchastiya grazhdan v osushchestvlenii vlasti: opyt zarubezhnykh stran // Voprosy stanovleniya elektronnoy demokratiy v Rossii: sb. st. Barnaul, 2019. S. 49–54.
20. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. No 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody". — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
21. Mazurovskiy K.S. Realizatsiya izbiratel'nykh prav: sovremennye tendentsii // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 7. P. 42–47.
22. Vasilyeva T.A. Virtualizatsiya parlamentskoy deyatelnosti v usloviyakh pandemii COVID-19 // Uralskiy Forum konstitutsionalistov: materialy sed'mogo Uralskogo Forumu konstitutsionalistov, Ekaterinburg, 4–9 oktyabrya 2021 g. Vyp. 7. Ch.2. Ekaterinburg: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoe obrazovatel'noye uchrezhdeniye vyshego obrazovaniya "Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet". 2022. P. 25–32.
23. Vasilyeva T.A. Informatsionnye tekhnologii kak instrument demokratizatsii parlamentarnoi deyatelnosti: latinoamerikanskaya praktika // Gosudarstvo i pravo. 2023. No 8. P. 142–153.
24. Latinobarómetro. Opinión Pública Latinoamericana. Informe 1995–2015. Santiago de Chile. P. 105, 106 // Latinobarómetro. Informes Anuales. — URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (data obrashcheniya: 11.12.2024).
25. Il'icheva L.E., Pirogov N.S. Mekhanizmy elektronnoy demokratiy v sovremennoi Rossii: usloviya formirovaniya i tendentsii razvitiya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2022. T. 12, No 2. P. 21–26.
26. Antonov Ya.V. Elektronnaya demokratiya i elektronnoye golosovaniye: konstitutsionno-pravovoye izmerenie // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. No 5. P. 101–113.
27. Bezrukov A.V., Savoskin A.V. Rossiyskaya obshchestvennaya initsiativa kak raznovidnost' obratshcheniy grazhdan i faktor ukrepleniya konstitutsionnogo pravoporyadka // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 6. P. 56–60.